

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 930+910
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.001

ПУТЕШЕСТВИЕ АНГЛИЧАНИНА ЭДВАРДА РЭЯ НА КОЛЬСКИЙ СЕВЕР В 1879 ГОДУ

Георгий Андреевич Дзенисов

Мурманский областной краеведческий музей, Мурманск, Россия, dzenisov@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена обзору книги английского путешественника и биржевого маклера Эдварда Рэя «Беломорский полуостров, путешествие в Русскую Лапландию и Карелию» («White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia»), изданной в 1879 году и являющейся важным англоязычным источником этнографии Кольского Севера второй половины XIX века. Особенностью путевых заметок Э. Рэя является подробное описание не только берегов Мурманского и Терского берегов, но и Кольского тракта, Северной Карелии и Соловецких островов. Несмотря на отсутствие глубокого научного анализа, книга содержит важные данные по истории Кольского Севера.

Ключевые слова:

Кольский Север, саамы, этнография, путешествия, антропология, Кольский тракт, Кола

Для цитирования:

Дзенисов Г. А. Путешествие англичанина Эдварда Рэя на Кольский Север в 1879 году // Труды Кольского научного центра РАН. Серия Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 5–13. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.001.

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY

Original article

TRAVEL OF ENGLISHMAN EDWARD RAY TO THE KOLA NORTH IN 1879

Georgy A. Dzenisov

Murmansk Museum of Regional Studies, Murmansk, Russia, dzenisov@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the review of the book by the English traveler and stockbroker Edward Ray “The White Sea Peninsula, Voyage to Russian Lapland and Karelia”, published in 1879 and is an important English-language source of ethnography of the Kola North in the second half of the XIX century. The peculiarity of E. Ray's travel notes is a detailed description not only of the Murmansk and Tersk coasts, but also of the Kola Tract, northern Karelia and the Solovetsky Islands. Despite the lack of deep scientific analysis, the book contains important data on the history of the Kola North.

Keywords:

Kola North, Sami people, ethnography, traveling, anthropology, Kola trakt, Kola

For citation:

Dzenisov G. A. Travel of Englishman Edward Ray to the Kola North in 1879 // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 5–13. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.001.

В 1879 году английский биржевой маклер и путешественник Эдвард Рэй (1847–1923) совершил поездку по Русской Лапландии, по итогам которой издал книгу «Беломорский полуостров, путешествие в Русскую Лапландию и Карелию» [1]¹. Данная публикация, безусловно, занимает центральное место среди немногочисленных англоязычных источников по истории и этнографии Кольского Севера второй половины XIX века. В частности, британский орнитолог Генри Пирсон в 1904 году называл книгу Э. Рэя «единственным актуальным источником информации по Кольскому краю» [2: 11]. Кроме того, путевые заметки Э. Рэя имеют заметное отличие от большинства подобных публикаций русских и иностранных путешественников, поскольку во время одной поездки он дал описание не только Мурманского и Терского берегов, но также Кольского тракта, Северной Карелии и Соловецких островов.

Данная работа, безусловно, не претендует на серьезное этнографическое или антропологическое исследование, хотя автор проводил некоторые антропологические измерения (р. 259), приводил изображения лопарских клейм для оленей (рис. 1) и даже рисунки, сделанные лопарем, сопровождавшим англичанина, — Онисимом Симоновичем (рис. 2).

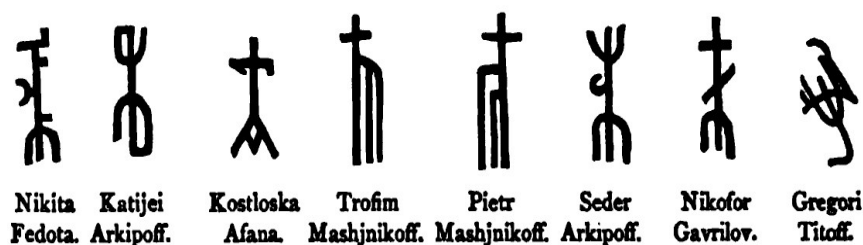

Рис. 1. Саамские клейма [1: 302]

Рис. 2. Рисунки саама Онисима Симоновича [1: 300]

В пути Э. Рэя сопровождал его друг — Генри Пилкинтон Брандрет (Henry Pilkington Brandreth), которого он именует просто **Doctor**. Также в Вадсё к ним присоединился третий спутник — норвежец, которого они взяли в качестве переводчика и слуги. Во время всего путешествия Э. Рэй крайне нелицеприятно отзывался о нем, давая ему самые уничижительные оценки. Несмотря на то, что этот человек по указанию англичан вел дневниковые записи, которыми Рэй пользовался во время написания своей книги, он даже не сообщил имя этого норвежца, просто называя его **Perevodtchik**.

В «Беломорском полуострове» Эдвард Рэй приводит много исторических, этнографических, статистических и других данных, однако эта информация большей частью взята из работ норвежского профессора Йенса Андреаса Фрииса [3] и финского этнографа Матиаса Александра Кастрена [4]. Там же были взяты некоторые описания маршрута, сообщения о мифологии, фольклоре саамского народа, а также большая часть фотографий и гравюр.

И все-таки в «Беломорском полуострове» Эдвард Рэй приводит целый ряд интересных фактов, «зарисовок», описаний, которые позволяют современным исследователям значительно дополнить свои знания и представления об истории Кольского Севера второй половины XIX века.

Интересно, что Э. Рэй частично знал русский язык, поэтому, описывая свое общение с местными жителями, он постоянно вставляет их прямую речь, записанную транслитерацией,

с последующим переводом для англоязычного читателя, что практически исключает искажения, неизбежно возникающие при переводе с одного языка на другой.

То же можно сказать об элементах быта, орудиях труда, религиозных терминах и т. д., которые Э. Рэй называет русскими словами, записанными латинскими буквами, — *samovar, tckainik, tundra, snéka, sviati obrasi, arrestant, kamen, bazar* и т. д. Интересно, что даже, если он не понимает значения слова, то все равно вставляет его в текст, и сегодня русскоязычный читатель без труда поймет, что имел в виду автор².

Подобным образом он приводит местные топонимы, что в сочетании с картой, которую Э. Рэй приложил к своим описаниям, позволяет максимально точно проследить его маршрут.

Кроме того, Э. Рэй полностью сообщает фамилии, отчества и имена местных жителей, называет их должности и, несмотря на некоторые фонетические искажения³, можно точно установить, с кем именно он встречался.

Уже в самом начале своего пути, посетив Цыпнаволоку, Э. Рэй побывал на Аникиевой горе. Там местный норвежец, узнав, что тот интересуется «старинными вещами», отвел его на так называемую «Аникиеву могилу», с которой связано предание о поединке между разбойником Аникой и неким молодым помором⁴. Под этим названием в археологии известна каменная выкладка в виде многогранника с ямой в центре на северо-востоке полуострова Рыбачий. Одним из первых о ней упомянул Г. Ф. Гёбель в 1909 году⁵. В научный оборот ее ввел московский археолог Б. Ф. Земляков, который в 1937 году описал, зарисовал и сделал первые фотографии этого объекта [5: 130–133]. Однако, как мы видим, «Аникиева могила» упоминалась в письменных источниках еще во второй половине XIX века. Также Эдвард Рэй, приводит легенду об Анике, несколько отличающуюся от той, которая встречается у Г. Ф. Гёбеля. Впрочем, сказать, из каких источников он ее взял, затруднительно.

Не задерживаясь в Цыпнаволоке, Э. Рэй отправляется в Колу, где ему было необходимо определиться с дальнейшим направлением его путешествия.

Описывая Колу и рассказывая об ее уничтожении в 1854 году, Э. Рэй одним из первых сообщает гипотезу о том, что это был лишь акт возмездия горожанам, убившим двух английских моряков, которые высадились на берег за водой (р. 25)⁶. К слову, интересно было бы проследить, откуда он взял эту информацию, поскольку сам автор этого не указывает.

В Коле Э. Рэй встретился с исправником Иваном Абрамовичем Поникаровским, с которым обсуждал возможные маршруты путешествия. Один из них состоял в том, чтобы сразу отправиться в Кандалакшу по Кольскому тракту, но от этой идеи отказались, так как было неизвестно, вскрылось ли к тому моменту ото льда озеро Имандра. Также была идея отправиться в Ловозеро и оттуда сплавиться по рекам в Баренцево или Белое море. Однако Эдвард Рэй не смог договориться насчет оленей и людей.

С этого момента у путешественников постоянно возникали одни и те же проблемы, которые раз за разом срывали планы англичан. Рэй связывал все трудности с летними рыболовными контрактами, которые занимали все рабочее население. Кроме того, экспедиция англичан крайне неоднозначно воспринималась местным населением и мало кто считал, что она приехала с мирными и некоммерческими целями. В результате англичанам так и не удалось побывать в Ловозере, Умбе, подняться по реке Поной и т. д. По итогам всех переговоров было принято решение двигаться вдоль побережья Кольского полуострова в Белое море.

Из наблюдений Э. Рэя в Коле стоит отметить остатки неких сооружений в устье одноименной реки, которые тот принял то ли за «остатки острога петровского времени», то ли за «шведскую крепость» (р. 35)⁷.

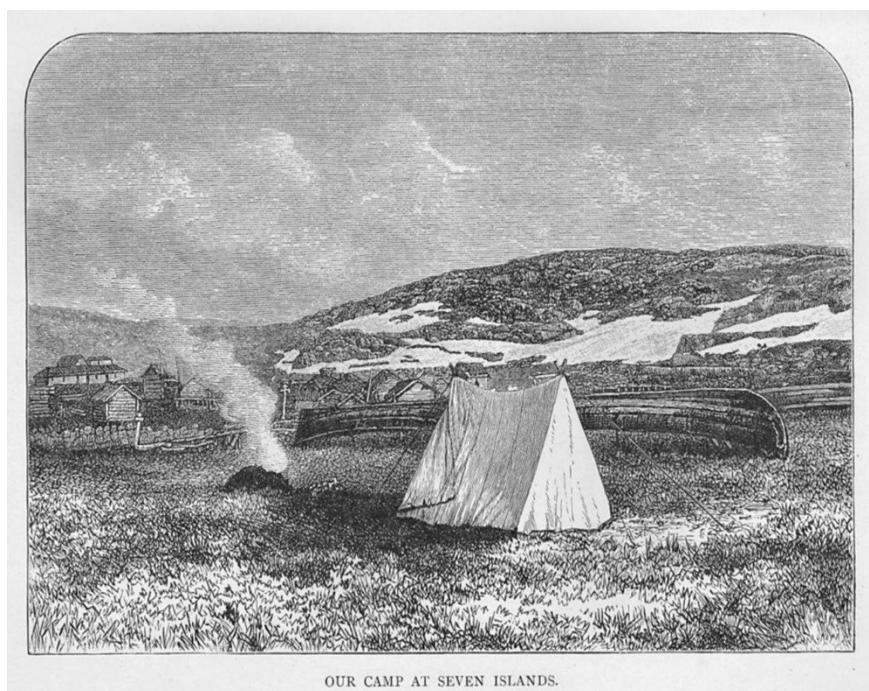
В ожидании попутного парохода Рэй решил подняться по Туломе до Нотозерского погоста (рис. 3). Во время перехода к Нотозеру Рэй встретился огромный валун, высотой около 6 метров. Один из лопарей, сопровождавших англичан, рассказал о нем длинную легенду. К сожалению, Рэй практически не приводит ее на страницах своей книги, отмечая лишь, что тот называется *Okladnik Kamen* и на этом месте состоялась битва «то ли между лопарями и шведами, то ли между русскими и шведами, а еще в этой истории был замешан какой-то “клад”» (р. 45)⁸.

Рис. 3. Семужий забор на Тулеме [1: 42]

То, что Эдвард Рэй пересказал эту легенду, ярко характеризует его как «этнографа». В дальнейшем автор уделял мало внимания подобным этнографическим и историческим фактам, концентрируясь на описаниях современной жизни жителей Кольского Севера.

Через четыре дня после возвращения в Колу Рэй отправился в путь на архипелаг Семь островов в Баренцевом море (рис. 4). Описывая Мурманский берег, Э. Рэй постоянно критикует российские власти, колонизирующие побережье с помощью Русской православной церкви, тогда как «один жадный торговец, такой как Савин, сделает больше для сдерживания процесса колонизации, чем поможет строительство дюжины церквей» (р. 68–69)⁹.

Рис. 4. Лагерь Эдварда Рэя в становище Семь островов [1: 73]

Английский путешественник постоянно отмечает повальное пьянство местного населения. О Коле он сообщает, что та «изобилует пьяными людьми...» (р. 36)¹⁰. В становище Семь островов Эдвард Рэй встретил мальчика пятнадцати лет — Лаврентия Петровича Балакина, тратившего все заработанные деньги на норвежский «ром», который тогда активно распространялся на мурманском побережье [6: 80–85]¹¹.

Из интересных сообщений Эдварда Рэя на Мурманском берегу следует отметить описание некоего мегалитического сооружения, представляющего собой «значительного размера» камни, лежащие на гладкой гранитной скале в виде «грубого кольца» (р. 74–75)¹². Данный объект располагался вблизи саамского поселения на реке Харловке, и путешественник предположил, что это некое саамское культовое сооружение.

Э. Рэй также обращает внимание на святилище, расположенное на Святом Носу, которому приносили жертвы как проходящие мимо корабли, так и саамские нойды, приходящие из Териберки (р. 89)¹³. Кроме того, он сообщает о находках каменных ножей в устье реки Иоканьги (р. 84)¹⁴, впрочем, не указывая источника информации.

В целом, Э. Рэй описывает Мурманский берег в крайне неприглядном свете. Отсутствие медицины (р. 88)¹⁵, повальное пьянство, бедность, торговцы, обдирающее местное население, оторванность от цивилизации повергали путешественника в шоковое состояние.

Следующими пунктами на маршруте стали села Поной и Лахта (рис. 5). Здесь Э. Рэй попытался подняться по реке вглубь Кольского полуострова, но пройти дальше первых порогов ему не удалось.

Интересно, что, будучи в Поное, Рэй никак не упоминает находящиеся там каменные лабиринты (также как на Вороньей, Харловке и в Кандалакше). Возможно, это связано с тем, что местные жители предпочитали не показывать их посторонним. Так, исследователь С. Н. Дурылин спустя 32 года отметил, что жители Кандалакши весьма неохотно показали ему лабиринт и удивлялись, откуда тот узнал о его существовании¹⁶.

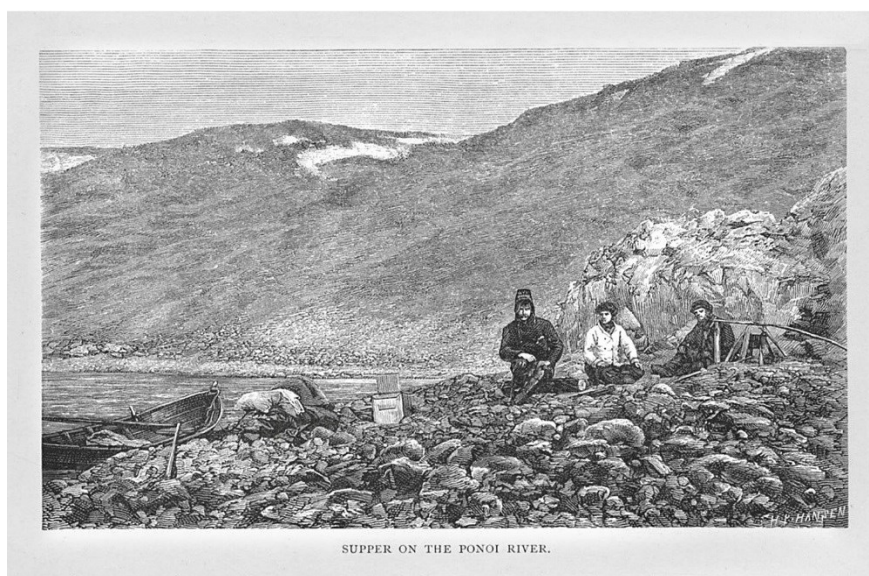

Рис. 5. Ужин на Поное [1: 73]

Не задерживаясь в Поное, Рэй со спутниками, наняв пять крестьян, отправился в Кузомень. Там англичанин встретился с Василием Ивановичем Роголовым — ненцем из Мезенского уезда. С его слов он записал четыре ненецкие сказки, одну песню (причем с ненецкой транслитерацией) и данные о религиозных представлениях. Также они составили небольшой словарь ненецких слов.

Любопытно, что, побывав в Варзуге и увидев знаменитую Успенскую церковь, англичанин ограничился кратким комментарием: «На правом берегу стояла странная и старая татарско-

византийская церковь, разумеется, деревянная» (р. 127)¹⁷. Судя по всему, памятник русского деревянного зодчества XVII века оставил иностранного путешественника совершенно равнодушным.

Уже находясь на южном побережье Кольского полуострова, Э. Рэй не оставлял попыток узнать, о том, что собой представляет среднее и верхнее течение реки Поной и что за люди там живут. Он смог убедить одного из нанятых крестьян — Екатеринова Филиппа Афанасьевича подняться по Варзуге до Поной, а оттуда сплавиться к Белому морю. Тот обязался описать все увиденное и переслать данный документ Э. Рэю через английского консула в Архангельске. За проделанную работу Филипп Афанасьевич получил 40 рублей, а его дневник Э. Рэй дословно привел в своей книге (р. 129–136).

Дальнейший путь Э. Рэя лежал через Соловецкие острова в Кемь, а оттуда вдоль Карельского берега — в Ковду. Однако анализ данных глав, несмотря на их безусловный интерес, выходит за географические рамки нашего исследования.

Прибыв из Ковды в Кандалакшу и наняв носильщиков, Рэй отправился по Кольскому тракту на север, поскольку побывать в Умбе ему не удалось. Он подробно описывает путь из Кандалакши в Колу, уделяя большое внимание саамскому быту, отношению саамов с Русской православной церковью.

Будучи типичным представителем Британской империи XIX века, над которым довлело «бремя белого человека», Рэй не только описывает бедность окружающих его людей, но четко обозначает основные ресурсы, которые смогут обеспечить экономическое развитие региона, — рыбу, лес и полезные ископаемые (р. 227). Он точно определяет наиболее слабое и уязвимое место экономики Кольского Севера — транспортную инфраструктуру. При этом путешественник не ограничивался только рассуждениями на страницах своей книги, но и написал несколько писем английскому консулу в Архангельске с просьбой донести свои мысли о бедственном положении населения Кольского края и Беломорской Карелии российским властям (р. 210).

Э. Рэй проводит параллели с Норвегией, при этом делает вывод о том, что потенциал Кольского края значительно выше (р. 228). В завершение, он утверждает, что «правительство должно делать здесь нечто большее, чем строить церкви, если они хотят дать шанс этой провинции» (р. 227).

В своих описаниях Кольского тракта Э. Рэй делает несколько интересных этнографических зарисовок. Так, по его просьбе, саамы показали ему один из священных камней по пути к Разнаволоку, которым оказался «простой валун на краю маленького ручья»¹⁸. В Шонгуе он встретил молодого саама из Масельги, которого расспросил о его отношении к религии. Молодой человек не только достаточно слабо представлял себе значение христианских символов (в частности, он даже не знал, что означает крест в православии), но и сомневался в том, что возможна жизнь после смерти (р. 282).

Э. Рэй во время всего путешествия скрупулезно фиксирует то, как рассуждают местные жители о северном сиянии. Так, рыбаки на Мурмане считают, что эти сияния — души умерших, плывущие в воздухе¹⁹. Ненцы говорят, что сияния посылает Бог, они вредны и приносят болезни или зло людям, из-за этого пропадают, а, возможно, даже гибнут, олени (р. 143)²⁰. Саамы также считают, будто северное сияние приносит ветер и бури, горе и болезни. Это злые предзнаменования для человечества (р. 259–260)²¹.

В остальном Э. Рэй приводит крупные фрагменты и целые главы из работ норвежского профессора Йенса Андреаса Фрииса и финского этнографа Матиаса Александра Кастрена²². Впрочем, они также могут представлять интерес, поскольку так и не были переведены на русский язык за последние полтора века.

К сожалению, ориентируясь на мнение ученых авторитетов, Э. Рэй игнорирует многие данные, которые ему сообщают местные жители и не приводит их в своей книге. Так, на одном привале саамы рассказали ему «длинную историю о медвежьей охоте», но Рэй не посчитал нужным записать ее (р. 238)²³.

Вернувшись в Колу и ожидая попутное судно в Норвегию, Э. Рэй обратил внимание, что местная молодежь, собираясь на площадке под Соловараккой, играет в различные спортивные игры, в том числе в лапту, которую они называли польским словом *palant*²⁴. Будучи заядлым

игроком в крикет, Рэй рассказал о правилах этой игры кольским юношам и девушкам. После чего в Коле состоялся, судя по всему, первый в истории матч по крикету. Однако в дальнейшем данная инициатива, похоже, так и не получила развития.

Автор поведал о встречах с видными людьми Кольского края того времени — Терентьевым Георгием Кирилловичем — священником Кольского уезда, Поникаровским Иваном Абрамовичем — исправником в Коле, Молвистовым Антоном — становым приставом в Коле.

Порой он рассказывает совершенно фантастические истории, желая, видимо, развлечь читателя. Например, у него «зимой село Поной заметает снегом по дымовые трубы, а сани проезжают по крышам под снегом деревни» (р. 104)²⁵, «коляне, увидев норвежское судно с англичанином Рэем на борту чуть не убежали в лес в полном составе, помня бомбардировку 1854 года» (р. 25)²⁶ и т. д.

Вместе с тем Э. Рэй сделал несколько интересных наблюдений того, как местные жители воспринимают время, используя не часы, а периодичность смены приливов и отливов. За все свое путешествие англичанин только однажды видел работающие часы (р. 112, 206)²⁷.

В конце книги Рэй приводит несколько приложений (встреченные им минералы, птицы, цветы, а также русско-саамско-ненецко-английский словарь).

Таким образом, несмотря на ряд интересных сообщений, книгу Э. Рэя стоит рассматривать, скорее, как один из первых туристических путеводителей по Кольскому Северу второй половины XIX века. Автор скрупулезно описывает маршрут, приводит цены, описывает особенности перемещения от одного населенного пункта к другому, сообщает какое снаряжение нужно взять с собой и где можно купить необходимые продукты. В то же время исторические и этнографические данные он чаще всего игнорирует либо упоминает о них вскользь, не придавая им большого значения.

Примечания

¹ В дальнейшем ссылки на текст книги приводятся в статье по этому изданию после цитат в круглых скобках.

² Например, автор так и не смог понять, что означает русское слово *beboar* (бобр), считая, что речь идет либо о морских коньках, либо о слонорылах.

³ К примеру, Кольского исправника Ивана Абрамовича Поникаровского он называет *Abramovitch Panicarovsky*, а владелицу торговой лавки в Коле, мещанскую вдову Стефаниду Ивановну Молвистову — *Stepanina Moldvistoff*.

⁴ В разных вариантах его называют простым рыбаком, монахом или сосланным боярским сыном.

⁵ Гебель Г. Ф. Наша Лапландия. СПб.: Издательство Ком. для помощи поморам Рус. Севера. 1909. С. 101.

⁶ «Kola was twice visited by English men-of-war: in 1809 and 1854. On the last occasion the gunboat *Miranda* bombarded the town, and almost destroyed it. In all, nearly a hundred houses, the old battery, two churches, and the Government stores of corn and salt, were destroyed. The inhabitants are said to have shot two English sailors, sent on shore for water, and the commander of the gunboat gave twenty-four hours' grace to the inhabitants to remove what they could».

⁷ «I have no doubt, now, that this small square marks the site of the long since demolished fort of Peter the Great, or a fort of his predecessors the Swedes».

⁸ Far in the middle of the wood stood a great granite boulder, twenty feet high, transported, without abrasion, in some great movement in the Ice Period, and deposited quietly here. One of the Lapps told me a long legend about it. It is called *Okladnik Kameny* or the rock of the burial-place. There was a fight here, I gathered, between the Lapps and the Swedes, or between the Russians and the Swedes: and there was some buried money mixed up with the story. There was an adventurer, *Okladnikoff*, who founded *Mezén*, and called it *Okladnikova*. He may have wandered this way, and crossed swords with the Swedes on this spot. There was no conflict here now, except between Nature and the fallen rotting trees: the forest was as silent as death.

⁹ «The Government seem to contemplate attracting a population to the Mûrman coast by church-building: but a single rapacious trader like Savin will do more to check colonisation than a dozen churches will to aid it».

¹⁰ «Kola, I am sorry to say, abounds with drunken men – demoralised creatures, who wrestled in the street, kissed one another, or cursed helplessly in the vodka shops».

¹¹ См. например: Александров А. Грамотность и пьянство в Поморье // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1911. № 8–9. С. 687–695.

¹² «At the river Riéska, on a tongue of rock, I found what appeared to be a Lapp *Paata*. There were stones of a considerable size, placed on the smooth rounded granite and moss, in the form of a rude ring».

¹³ «At this cape lyeth a great stone, to which the Barkes that passed thereby were wont to make offerings of Butter, Meale, and other Victuals, thinking that vnlesse they did so, their Barkes or Vessels should there perish: and there it is very darke and mystie. (Данный фрагмент Э. Рэй взял из книги Hakluyt R. The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation впервые изданной в 1589 году). The Lapp witches of the Yokkonga used to frequent the promontory to assist in the worship of the *Paata* of the Holy Cape: and they would sell a fair wind to the English sailors who traded to the White Sea.

¹⁴ «On the banks of the Yokkonga, sixty miles eastward, have been found stone knives and axe heads».

¹⁵ It is very shameful that the poor Mûrmansk fishermen should be deprived of all medical assistance. The captain told me he feared a doctor sent here would infallibly take to drinking.

¹⁶ Дурьлин С. Н. За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К. 1913. С. 45–46.

¹⁷ «On the right bank stood a queer old Tartar-Byzantine church – wooden, of course».

¹⁸ «I asked for Bauta stones, and the Lapps promised to show me one on the journey to Rasnavolok. It proved to be a simple boulder on the edge of a little creek, sacred for some reason or other to the Lapps». (p. 238)

¹⁹ «The Mûрман fishers believe they are the souls of the dead floating in the air» (p. 69).

²⁰ «God sends them. I believe they are hurtful, and bring sickness or evil to people, loss of reindeer, or perhaps death».

²¹ «The Lapps told me they believe the Northern Lights bring wind and storms, woe and sickness. They are evil omens for mankind».

²² Так, XX глава, в которой содержится описание саамской мифологии (p. 262–277) полностью переписана из книг Й. А. Фрииса и М. А. Кастрена, а, например, описание острова Могильного на Имандре (место, где екостровские саамы хоронили своих умерших) приводится дословно из работы Й. А. Фрииса, причем Э. Рэй не считает нужным сообщить об этом читателю.

²³ «The Lapps told me a long story, among others, of a bear hunt: and I spent two hours in trying to explain what I meant by proverbs or common sayings».

²⁴ Видимо, данное название было заимствованно от сосланных на Кольский Север после восстания 1863–1864 годов поляков.

²⁵ «In the winter Ponoï is covered up to its chimneys in snow, and sledges travel unconsciously over the roofs of the buried village».

²⁶ «The people of Kola had heard of disputes between their Government and ours: and their fears suggested, we learned afterwards, that the *Pram* was another British gunboat. If we had chanced to fire a gun, they would have taken to the woods».

²⁷ «In all the dozens, hundreds, of Russian peasants' huts, cottages, houses, that we have visited, we have seen but one clock going. This was an old English clock in the *Stantsia* at Keret». «The fishermen here talk, not by the time or the hour, but by the tide. So many tides ago: or, at high water: or, at the beginning of the flood».

Список источников

1. Rae E. White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia. London: John Murray. 1881. 427 p.
2. Pearson H. J. Three summers among the birds of Russian Lapland. London: R. H. Porter. 1904. 216 p.
3. Friis J.A. En Sommer i Finmarken, Russisk Lapland og Nordkarelen. Skildringer af Land og Folk. Christiania: Cammermayer. 1871. 299 p.
4. Castren M. A. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838–1844. St. Petersburg, 1853. 308 p.
5. Земляков Б. Ф. Первобытный человек на Кольском полуострове // Географический словарь Кольского полуострова. Мурманск: Типография «Полярная правда», 1941. Т. 2. С. 130–133.
6. Боднарук Р. В., Давыдов Р. А., Попов Г. П. Норвежский ром или русская водка? (Из исторического опыта административного регулирования продажи и потребления спиртных напитков) // Экология человека. 1997. № 2. С. 80–85.

References

1. Rae E. *White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia*. London, John Murray, 1881, 427 p.
2. Pearson H. J. *Three summers among the birds of Russian Lapland*. London, R. H. Porter, 1904, 216 p.
3. Friis J. A. *En Sommer i Finmarken, Russisk Lapland og Nordkarelen. Skildringer af Land og Folk*. Christiania, Cammermayer, 1871, 299 p.
4. Castren M. A. *Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838–1844*. St. Petersburg, 1853, 308 p.
5. Zemljakov B.F. Pervobytnyj chelovek na Kol'skom poluostrove [Primitive man on the Kola Peninsula]. *Geograficheskij slovar' Kol'skogo poluostrova* [Geographical Dictionary of the Kola Peninsula], Murmansk, Tipografija "Poljarnaja Pravda", 1941, vol. 2, pp.130–133. (In Russ.).
6. Bodnaruk R. V., Davydov R. A., Popov G. P. Norvezhskij rom ili russkaja vodka? (Iz istoricheskogo opyta administrativnogo regulirovanija prodazhi i potreblenija spirtnyh napitkov) [Norwegian Rum or Russian Vodka? (From the Historical Experience of Administrative Regulation of the Sale and Consumption of Alcoholic Beverages)]. *Jekologija cheloveka* [Human ecology], 1997, no 2, p. 80–85. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. А. Дзенисов — заведующий отделом экспозиционно-выставочной деятельности Мурманского областного краеведческого музея, начальник Мурманской археологической экспедиции.

Information about the author

G. A. Dzenisov — head of the department of exposition and exhibition activities of the Murmansk Museum of Regional Studies, head of the Murmansk archaeological expedition.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 11.09.2024; принята к публикации 15.09.2024.
The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 11.09.2024; accepted for publication 15.09.2024.